

С. Корычанкова, Л.Б. Крюкова

ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ В ТЕКСТЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX в.)

В статье проводится фрагментарный лингвистический анализ и сопоставление перцептивных образов в оригинальном творчестве К. Бальмонта и О. Бржезина, позволяющий авторам подтвердить вывод об универсальности базовой модели восприятия в чешском и русском языках.

Ключевые слова: *восприятие, синестезия, символизм, О. Бржезин, К. Бальмонт.*

Восприятие, рассматриваемое как универсальная категория человеческого сознания, является основным механизмом, при помощи которого осуществляется взаимодействие человека и окружающей действительности. Своеобразие поэтической картины мира заключается, прежде всего, в избирательности видения художника. Образ мира, представленный в художественном произведении, есть не что иное, как проявление духовной активности автора.

«Проблема восприятия» стала одной из центральных в художественном творчестве поэтов-символистов, принявших тезис Артура Шопенгауэра: «Мир есть мое представление» [1]. Главным в творчестве символистов была не объективная действительность, а отношение к ней. Свойства предметов отрываются от их носителей, слова теряют основное значение и употребляются в переносном, создается возможность образования любых соответствий. Краски и звуки становятся символами, характеризующими определенные душевные состояния. Синтез, осуществляемый в художественном произведении, «должен быть оправдан не формальной логикой, а наглядностью, непосредственным восприятием, «чувственностью».

В. Брюсов пишет: «Какой властью над временем обладает лирика, способная вместить мгновение в предел нескольких размерных строк, живым сохранив его, вместе с лучами, трепетавшими тогда, с ароматом, веявшим вокруг, с первым проблеском зарождающегося чувства» [2].

Перцептивные образы играют важную роль в поэтическом творчестве символистов. Именно в их поэзии зародились так называемые

синестетические сочетания. Синестезия как лингвистическое средство выразительности (поэтические тропы и стилистические фигуры, связанные с межсенсорными переносами) является одной из ключевых особенностей «новой поэзии», отражающей синкретическое слияние чувств.

К. Бальмонт, который являлся одним из известных практиков и теоретиков синкретизма, считал, что «слово есть чудо, а в чуде волшебство все, что его составляет». Поэт видит, слышит и чувствует каждую букву, стремится выразить в стихотворении чувство, которое владеет им в момент написания; в другой момент это будет уже иное чувство, а следовательно, нужны будут и иные средства для его выражения [3. С. 119–124]: *Сквозь черную сетку стволов и ветвей / И редкое кружево листьев зеленых / Я вижу, как серый поет соловей, / И вижу я песню в чуть зримых уклонах* [4].

Синестетические сочетания в поэзии К. Бальмонта условно можно разделить на группы в зависимости от того, какие межсенсорные ассоциации лежат в основе метафорического переноса: зрительное – слуховое (*колокола звучат светло, липы слышат лунное сияние*); вкусовое – зрительное (*сладко-печальная мгла*); обонятельное – слуховое (*солнце ароматно поет*); зрительное – тактильное (*в уме холодный свет*) и др.

В поэтических текстах именно перцептивные метафоры в первую очередь отражают индивидуально-авторское мировосприятие и выполняют оценочную функцию, описывая различные сферы человеческой жизни, состояние природы и окружающей среды. Например:

– эмоциональное и физическое состояние человека: *И блаженному сладко отдавшись бессилью...; И в сны свои светло влюбляемся...; Как душа в любви седеет, холодеет красота;*

– действия физической и интеллектуальной сферы: *Мне сладко измениться – Живите для измен; Но сладко мне забыть, что было; Я слышал мысль мою;*

– состояние окружающей природы: *И в горьком сне волна волне шепнула; И снова забрезжил блуждающий свет; И в лазури на небе прекрасном отразилась немая тоска.*

Т.А. Демешкина в статье «Модели восприятия в поэтическом тексте как способ интерпретации мира» отмечает, что пропозиционные модели восприятия имеют универсальную природу, и спо-

соб их языкового представления определяется выбором прямого или переносного описания ситуации, коммуникативным намерением говорящего, особенностями авторского идиостиля. Однако разнообразие лингвистических средств и способов выражения позволяет говорить об особенностях национального и индивидуально-авторского мировосприятия [5. С. 9–17].

Предположение о том, что особенности авторского мировосприятия задают определенные параметры художественной картины мира конкретного художника и отражаются в отборе текстов для перевода, находит подтверждение в процессе исследования переводов чешских поэтов одним из известных представителей русского символизма К. Бальмонтом.

Д. Кшипцова определяет переводческий метод К. Бальмонта как адаптационный: «С безошибочной поэтической интуицией он умеет определить, какой элемент текста является основополагающим, главным, и именно его стремится передать с максимальной точностью. В остальном он переводит достаточно вольно – некоторые части поэтического произведения он эмоционально усиливает или драматизирует, а некоторые – ослабляет <...>. Правда, его отступления имеют, как правило, свое обоснование в традициях русского стихосложения и стилистического узуса. Несомненным достоинством его перевода является удивительная поэтичность и цельность общего звучания <...>. Например, он опускает два последних стиха в стихотворении Бржезины "Настроение", ибо они не отвечают его собственному жизнеутверждающему мироощущению <...>. Для Бальмонта характерно свободное отношение к передаче стихотворного ритма, однако его поэтическое чутье ведет его в правильном направлении, и в его переводах отступление от эквиритмии оборачивается адекватностью воздействия стихотворного произведения на русского читателя» [6. С. 39–52].

Отокар Бржезин – один из виднейших представителей чешского символизма, проделавший творческий путь от изображения пессимистических настроений под влиянием Бодлера и Шопенгауэра к восторженному воспеванию слияния земного бытия с мистическим Небесным Царством в преображенной Вселенной. Поэзия Бржезины наполнена мистико-философской символикой и сложными метафорами, основанными на богатстве выразительных средств чешского

языка: *souhvězdí rozmetená ethernými vlnami v azurech bolesti a spravedlnosti se usmívají zlatým vířením; myšlenek oblaky jak ostrovy do moře světla ční, pokryté fosforeskující vegetací měsíční a našich srdcí zachvění je zazvoněním na březích při odpoutání lodí zakotvených na stříbrných řetězech* [7].

Таблица

Тип воспри- ятия	Отокар Бржезина	Константин Бальмонт
Зрительное	<i>viděl jsem léta královská uléhat na lože purpurné nád-hery; zrak ženy, s pohledy vyčítavými, toužícími; slepci osleplí mystickou vinou narození;</i>	<i>и слышал я сагу седую; мольбы цветной обедни; радость прозрачная; звездится цвет сирени; горы ласкали сияньем; теснится тьма со всех сторон</i>
Слуховое	<i>zpívají hlasy duchů; slyšíte tajemné šumění krve; hořečný hláhol; kvílení strun; zaznění srdcí; němé jsou nivy; a smrt dokud mlčenlivá půjde městy vířícími; kosmu nejvyšší sou-zvuk;</i>	<i>звук умирающий; ветер шепчет и прячется в дальних кустах; с безмолвием вел разговор; без-гласная река; завершительный ропот шур-шащих листвою ветров</i>
Обонятельное	<i>vonný víť; proud vonný; azurným dýmem pokrylo ostatní světy a vůněmi nás; zahrady gigantických květů voní z tvých tónů;</i>	<i>пахучесть дум, двойной расцвет; и растет дыханье аромата; лютят пленительно медвяный аромат; волны благовоныя; жасминный дух благоуханья; сладостно дышит прохлада</i>
Осязательное	<i>a v mrazivé soumraky; pohřížený vietnotách žhavého větru; pod nebem žhnoucím bez hnutí; zrní žhavého uhlí; žhavými fermenty ohně; a loďstva mrtvých, v horká pásma plujících;</i>	<i>и мир был беспределен, пронзен-ный блеском льдин; жгучая таинственная звезда; и холодно любить им суждено; вдыхать лобза-нием горячее вино; свет-ло-пушистая снежинка</i>
Вкусовое	<i>a zvířata lesní, která neokusila krve; oceány se sklánělo v žízni a pijící rozvlnilo je bouří; sladkost věčného rytmu.</i>	<i>там в прямом цветенье болотные травы; сердце ранит тайною сладкою; воды горьки от горьких слез; соленый туман</i>

К. Бальмонт писал: «Поэзия Отокара Бржезины, вся философ-ская, вся символическая, полна духовной красоты и ведет к утвер-ждению жизни, но она вся исполнена смертными шорохами завес предельных, и никто, быть может, не умел так жить со Смертью и с нею ласково беседовать, как этот великий подвижник, Схимник По-эзии» [8. С. 88].

Проведение частичного лингвистического анализа и сопоставле-ние перцептивных образов в оригинальном творчестве двух поэтов

подтверждает универсальность базовой модели восприятия в чешском и русском языках (см. таблицу).

В поэтических текстах Отокара Бржежины также есть примеры «наслаивания» перцептивных образов (например, слух–осознание): *Slyšíte tajemné šumění krve? Vření ve zrajícím kvasu / otamujícím? Horečný hláhol v temnu úlů? / Bolestná zaznění srdcí, laděných věky jak struny / pro souznění hvězdná? / Zakvílení strun příliš napjatých, přetržených? / A všemi světy letící ohnivý tón / dosaženého souzvuku grafického? (Kolozpěv srdcí, 1901).*

В сборник избранных произведений К. Бальмонта входит стихотворение «Из леса», которое является переводом произведения чешского поэта Я. Врхлицкого «Z lesa». Анализируя лингвистические средства выражения авторского мировосприятия, мы обращаем внимание на традиционные для поэзии К. Бальмонта перцептивные образы: *гул тоски и сердцеемный стон, мысли ярки, звуков взрывы, высь гореньем зарев залита, задумный сон качается светло и др.,* что полностью соответствует тексту чешского оригинала: *a kolem stromy větrem rozechvěny se otřásají v srdcejemném pláči; jak myšlenky když otřásají hrudí, zde v každém hnutí zvuků nových říše, a každý zvuk zde novou píseň vzbudí; v koruně mu démanty hvězd září; jej v dumný sen o lásce ukolíbá...*

Перцептивные метафоры представляют необычайную трудность в процессе перевода художественного произведения, соответственно, можно предположить, что именно особенности авторского мировосприятия, принадлежность к одному литературному направлению, близость лексического состава русского и чешского языков позволяют передать основную идею стихотворения. Представленный анализ подтверждает мысль об универсальности базовой модели восприятия, а несомненно существующие языковые отличия могут быть рассмотрены как индивидуально-авторские.

Литература

1. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1 / пер. Ю.И. Айхенвальда; под ред. Ю.Н. Попова. М.: Моск. клуб, 1992.
2. Валерий Брюсов. Русские символисты. Ст. 4 Зеленый вертоград и хоровод времен / http://www.modernlib.ru/books/bryusov_valeriy_yakovlevich/russkie_simvolisti/read
3. Блинов И.И. Синестезия в поэзии русских символистов // Проблема сложности изучения художественного творчества. Казань, 1980.

4. Бальмонт К. Избранное. М.: Эксмо, 2003.
5. Демешкина Т.А. Модели восприятия в поэтическом тексте как способ интерпретации мира // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы. Томск, 2006.
6. Ksícová D K. D. Balmont a ceska poezie // Sbornik prací filosofické fakulty brněnské univerzity. D-28. 1981.
7. Březina, O. Březina, O. Sbirka Ruce. Praha, 1901.
8. Z dějin rusko-českých literárních vztahů: K. D. Balmont. Duše Českých zemí v slovech a čínech // Vydání, překlad, studie, komentář Danuše Ksícové. Masarykova univerzita. Brno, 2001.